

АЯ ПРАВДА

Популярный актер принадлежит всем зрителям одновременно, и каждый из них заявляет свое право на него, на собственный стереотип восприятия. За долгие годы знакомства облик любимца публики часто обрастает таким слоем легенд, что за ними порою не разглядеть истинного лица. Все это в полной мере относится к одному из самых известных наших артистов — Олегу Табакову.

Уже вижу, читатель, как вы улыбнулись. Не только оттого, что это имя сплетено в вашей памяти со многими забавными образами. Сама личность артиста вызывает у большинства зрителей теплое, доброе чувство, точно старого соседа или одноклассника встретил. А уж для моего поколения, духовно сформировавшегося во второй половине 50-х годов, он навсегда останется родом оттуда, из нашей прекрасной юности, кипевшей культурными преобразованиями, среди которых был и новорожденный «Современник». Этому ощущению способствует то, что не нашёл он с годами сновитости, остался молодым, подвижным, демократичным. По сию пору кипят в нем огромная душевная энергия, прежнее любопытство к жизни, к людям, к работе — три эти понятия для него слиты воедино, он буквально одержим всем этим.

Кого бы он ни играл — Теркина, Шелленберга или Людовика XIII, Табаков всегда остается актером типично русским, интересно преломившим в себе существенные свойства национальной театральной школы и национального характера. Мальчик из срединной России, уроженец Саратова, он с «первого захода» попал в Школу-студию имени Вл. И. Немировича-Данченко, где получил типично мхатовскую закалку. С тех пор его индивидуальность, счастливо совпавшая с запросами своего времени, развивалась в русле этой, самой плодотворной в мире театральной системы. Редкая для молодого актера удача — не просто попасть в новый театр еще студентом, но и выразить собой определенную общественную тенденцию, чем были в те годы образы юных розовских героев, — эта удача, как и всякая, не прошла для Табакова даром. Его юношеское обаяние, необычайная органичность, истинное простодушие и правдолюбие, граничащее с исповедальностью, — эти прекрасные свойства со временем стали восприниматься некоторой частью публики как маска.

Понадобились серьезные усилия режиссуры и самого артиста, чтобы сбросить путы «трагедийной» типичности. Но даже и после огромного успеха «Обыкновенной истории», где Табаков блестяще доказал свое право на характерно-возрастные роли и получил за Александра Адуева первое звание (лауреата Государственной премии СССР), кое-кто еще продолжал вздыхать об этой маске.

А вот и другая легенда. Табакова и сейчас многие считают неким счастливымчиком, баловнем судьбы, которому все легко и просто (а может, незаслуженно?) дается. Захотел — играл любые роли. Вздумал — основал свою театральную студию. Повезло — поставил ряд спектаклей за рубежом. Он и впрямь, если глядеть со стороны, делает все как-то просто, легко, даже весело.

Меж тем ничего не дающая даром судьба, начиная с военного детства, не раз испытывала его мужество и долготерпение. Вот только один факт: в тридцатилетнем возрасте, на самом грёбе успеха, он перенес тяжелый инфаркт («49 дней лежал на спине — было о чем поразмышлять», — скажет актер потом).

Да, не будь у Табакова смолу общественных устремлений, колоссальной работоспособности, требовательности к себе (чем, кстати, отличались нравственные принципы молодого «Современника»), никакой везучести на сделанное им ни за что бы не хватило. А кроме того, он никог-

да не берег себя, не боялся риска, не дрожал за свой престиж. Например, в 1960 году сыграл эксцентрическую женскую роль, да еще в очередь с Галиной Волчек, и достойно выдержал нелегкое соревнование. Где-то в середине 60-х годов широкая публика уже убедилась, что в его творческой натуре сосуществуют на равных глубокая, мхатовская правдивость и недюжинный дар лицедейства, сдержанная, современная манера игры и веселое озорство. С той поры, мне кажется, зрители уже не удивлялись, кем бы пред ними ни являлся Табаков в театре, на экране или по радио. Он мог быть положительным или отрицательным, узнаваемым или преобразенным — его любили и с нетерпением ждали встречи.

люди искусства

ДРУГАЯ ЛЕГЕНДА

К 70-м годам Олег Табаков, много и разнообразно работавший, вошел в «команду» ведущих актеров страны. В романах здесь принято ставить точку, в творчестве же точек не бывает. Напротив, для него, человека очень активной гражданской позиции, подоспела пора нелегких размышлений об искусстве и своем пути в нем, порой внешне не сразу заметных — качественных — перемен. Чтобы двигаться вперед, не заштамповаться, нужен был масштабный материал, а классика на сцене «Современника» появилась редко, так что Адуева-младшего от Балайкина отделило семь, а Балайкина от ибсеновского Стокмана-старшего — почти шесть лет.

А закон инерции восприятия, о котором я упоминала выше, теперь то обнаруживался особенно резко. Обычное его проявление — стремление публики без конца множить понравившийся ей образ. Не потому ли она нередко отдает пальму первенства комиком? Вот и в сегодняшнем, уже сильно изменившемся Табакове порой предпочитают видеть артиста по преимуществу комедийного.

Он и в самом деле доставляет нам массу удовольствия в таких ролях, владея всеми тонами и оттенками смеха. Мастерски лепит образ с помощью буквально выхваченных из жизни деталей, будь то современный жест, каким приветствует своих сограждан древнегреческий философ Ксанф, расхожая интонация или бытовая лексика. Восхищает мгновенным преображением в телевизионном «Коньке-горбунке» П. Ершова, пуще всего когда речь идет об алчном, плотоядном старике-царе или юной, капризной царь-девице. Забавляет нас, поучая, и всегда при этом от души забавляется сам. Но внимательный зритель, наверное, заметил, как крепнет у актера стремление к язвительной насмешке, иронии, а то и злой пародии, когда его объекты того достойны. Низменные интересы, дамство, душевная глухота и другие ненавистные ему черты требуют уже иных, сатирических красок. Так обрисованы им одичавший от похмельной жажды Федор Анчутин в «Провинциальных анекдотах» А. Вампилова или цербер-губернантик мисс Эндрю в телевизионной версии «Мэри Поппинс».

Однако, как ни привлекателен Табаков смеющийся и высмеивающий, есть сегодня область, где он, пожалуй, особенно силен. Это сфера русского национального характера, с его исконной добротой, глубиной чувств, сочувственностью, нутряной жаждой истины, чуткостью ко всякой лжи и несправедливости. В этих образах наиболее ощутимы крепкие народные корни искусства

артиста — и в стойкой нравственной заковке, и в лукавом юморе, и в широких, распевных интонациях. Это Иван и конек в сказке П. Ершова, рыцарь русской природы Егор Полушкин («Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева) или Сантехник из спектакля по В. Шукшину «А поутру они проснулись» — своеобразный судья и миротворец, поплатившийся за свой добрый порыв.

Не случайно именно в этом русле его диапазона начали обрисовываться новые грани. Все чаще возникают в возрастных ролях Табакова раздумчиво-философские ноты, итоговые наблюдения, пронзительный драматизм. Вот изливает душу подле спящих детей Бачей-отец в завершающих частях телесериала «Волны Черного моря» по В. Катаеву — как-то вдруг постаревший, одинокий, потерянный. Вот мы на какое-то мгновение готовы пожалеть даже завязного мздоимца Юсова (кинофильм «Вакансия» по «Доходному месту» А. Островского) — такое у него в глазах смутение, ужас пред неизбежным для всякого смертного концом.

Что же говорить об одном из самых смешных и трогательных чеховских персонажей — Нюхине («О вреде табака»)? Раздробленный на мелкие кусочки его монолог (телефильм «Кое-что из губернской жизни») не дал возможности актеру создать полнокровный трагикомический образ. Но зато как Табаков сыграл оставленный в целости финал! С раздирающим душу плачем, с неодолимой потребностью замученного живого существа стать хоть деревцем, хоть травинкой, — лишь бы вон из своего постылого дома, на вольный воздух, на солнечный свет.

Человек и судьба, индивидум и обстоятельства, неотвратимость справедливой расплаты — вот что сейчас, по-видимому, очень интересует артиста. Об этом говорят его работы на сцене МХАТа в «Амадее» П. Шеффера, «Скамейке» А. Гельмана, «Юристе» Р. Хохута. Ибо в минуты отчаянного, дерзкого протеста, когда гонитель Моцарта отрекается от слепого, несправедливого бога, или в финале «Юристов», где роль исторического возмездия берет на себя родная дочь, обретают драматическое измерение даже такие антигерои, как Сальери и бывший нацистский военный судья Хайльмайер.

Словом, у порога своего 50-летия народный артист РСФСР Олег Табаков стоит в полной готовности к самым трудным сценическим свершениям. Ему бы сейчас играть да играть, особенно классику, чтобы его зрелое мастерство и одержимость искусством всегда находили достойное применение...

Е. ОЛЬХОВИЧ.